

Г. Ю. Каптен

канд. филос. наук,
преподаватель
Санкт-Петербургского
государственного
университета
аэрокосмического
приборостроения

ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В 1453 ГОДУ КАК ПРИМЕР СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ

Copyright © 2012, Г. Ю. Каптен

Осада и штурм Константинополя в 1453 году завершают целую эпоху становления, упадка и гибели великого христианского государства на востоке Европы. Поражение Византии определило многие события Нового времени, далеко идущие последствия оно имело и для истории России. Учитывая то, что эти события достаточно подробно описаны как современниками, так и учеными нашего времени, эта работа призвана освятить лишь конкретную проблему: может ли считаться война 1452–1453 года примером Священной войны?

Не вдаваясь в подробности самого понимания «борьбы за веру» в Византийской империи, рассмотренного в предыдущих наших исследованиях, примем следующее определение: Священная война — война, вызываемая или оправдываемая религиозными различиями.

Согласно этому определению, осада и штурм Константинополя в середине XV века вполне может быть отнесена к религиозным войнам, ведь они стали фактически последней в истории попыткой совместного противостояния исламу со стороны единого христианства¹, а не отдельных конфессий². Более внимательное изучение хода истории позволяют говорить и о других признаках, сближающих эти события со Священными войнами.

В самом конце XIV и начале XV века Византийская империя сократилась фактически до столицы, Мореи и нескольких островов Эгейского моря. В таких условиях вопрос потери Константинополя был вопросом времени и воли османского султана. Не случайно за это время город перенес несколько осад, но, по стечению счастливых обстоятельств, они оказывались неудачными.

Оставалось надеяться лишь на помощь Бога, что прекрасно выразил император Иоанн VII, отвечая посланцам Баязида I, требовавшим весной 1402 года сдать столицу: «Скажите своему господину, что мы слабы, но уповаем на Бога, который может сделать нас сильными, а сильнейших низвергнуть с их престолов. Пусть ваш господин поступает, как хочет»³.

Попытка Мурада II в 1422 году так же не увенчалась успехом, что было воспринято греками как явное чудо. Иоанн (Ласкарь) Канан, повествуя о явлении Богородицы на городских стенах, делает чрезвычайно важные для нашего исследования замечания об участии в отражении штурма горожан, вдохновленные помощью свыше: «Римляне, хотя и весьма утомлен-

ные, прыгали от радости и счастья. Они хлопали в ладоши и посылали особые благодарности Богу... Они [горожане] выводили друг друга из укрытий, ибо те, кто дрогнул сердцем или побежал, изменились, став храбрыми и благородными воинами, которые презирали как удары, так и жуткие раны, и, уповая на Святую Деву Марию, вооружились они мечами и камнями и обрушились на безбожных грабителей, дабы прогнать их, как дым прогоняет пчелиный рой. И вышли они... с оружием, которое имели, иные с голыми руками, прочие с дубинами и мечами. Они привязывали веревки к блюдам, с которых вкушали пищу, или к крышкам бочек, делая себе щиты. Иные шли на бой даже и без всего этого, но сражались храбро и с отвагою, пусть и вооруженные лишь камнями...»⁴

Из земных же средств оставалось лишь просить о помощи Запад, ради чего Иоанн VIII пошел на заключение унии с Римом на Ферраро-Флорентийском соборе, но латиняне вовсе не спешили на помощь некогда великой империи, слишком занятые решением собственных проблем. Именно поэтому на зов Константина Драгаса не откликнулось ни одно европейское государство, кроме собственно Рима. Фактически дело защиты Константинополя легло на плечи 5000 греков и 2000 итальянских добровольцев, которым противостояла 130 тысячная армия султана.

Религиозный элемент, несомненно, постоянно имел место в византийско-турецкой политике. Так, узнав о смерти Мурада, находившийся в Трапезунде Франдзис сообщает: «В феврале... умер султан Мурад. И я не слышал об этом в Ивирии, а когда прибыл в Трапезунд, василевс... сказал мне о смерти султана и о том, что господином стал его сын и что он многое воздал василевсу и подтвердил мирный договор, который этот дом заключил с его отцом. И услышав это, я онемел и опечалился так, будто он сообщил мне о смерти моих самых близких. И немного спустя опомнившись, я сказал: “Государь мой, это не радостное известие, а весьма печальное”. И он говорит: “Как же это?” И я сказал: “Потому что тот был стар и попытка выступить против Константинополя была им уже совершена, и больше ничего такого он предпринимать не собирался, но желал лишь мира и спокойствия. Этот же, который теперь стал господином, — молод и с детства враг христиан, и он поносил и грозился, что сделает то-то и то-то против

христиан... И если Бог допустит, чтобы в нем победили молодость и злоба и чтобы он напал на Константинополь, то я не знаю, что будет»⁵.

Мехмед II, действительно, с самого детства проявил себя противником христианства, стремящимся любыми средствами захватить лежащий прямо в середине его владений христианский анклав. Стивен Рансимен указывает на эффективные уступки нового султана, обнадежившие Запад и усыпившие его опасения.

Однако уже весной 1452 года, после подавления мятежа в Малой Азии, Мехмед обозначил свое намерение, начав строить в узкой части Босфора крепость Богаз-Кесен (более известная как Румелихисар) напротив уже имевшейся в его распоряжении Анадолухисар, тем самым надежно перекрывая линии снабжения Константинополя с моря. В начале сентября он три дня стоял с армией у города, осматривая укрепления, что рассеяло последние сомнения насчет намерений султана.

Константин отправил послов на Запад с просьбой о немедленной помощи. Однако официальная позиция Венеции и Генуи оказалась довольно двусмысленной: с одной стороны, они открыто симпатизировали Константину и прекрасно понимали, что после падения Константинополя турки займутся их восточными владениями, с другой — их торговые дела в османских портах были слишком хорошо налажены, чтоб подвергать их риску при военной помощи слабому и умирающему государству.

Стивен Рансимен отмечает: «Те ни на минуту не упустили из виду своих коммерческих интересов. Для их торговли было бы пагубным отдать Константинополь в руки турок, но столь же пагубным было бы и обидеть турок, с которыми они уже вели выгодную торговлю»⁶.

Именно поэтому на зов о помощи откликнулись лишь добровольцы. Именно этот факт является одним из важных факторов понимания событий 1453 года в контексте Священной войны. Разумеется, итальянцам была предложена плата за службу, Джованни Джустиниани Лонго пообещали даже остров Лемнос, но вряд ли люди, руководившие лишь жадной наживы, участвовали бы в практически безнадежном деле с такой храбростью и самоотдачей.

Особого внимания заслуживает позиция Папы Николая V, который, несмотря на недовольство действиями Константина по проведению унии, пытался оказать ему всяческое содействие. Дело в том, что сам император, в отличие от своего брата Иоанна VIII, занимал подчеркнуто умеренную позицию в этом вопросе. Видя в ней средство для укрепления Византии, он не стремился насаждать ее среди своих подданных насильственными методами. Именно поэтому незадолго до описываемых событий в Константинополе было составлено коллективное письмо с просьбой о пересмотре унии⁷, однако в Римеотреагировали на него весьма жестко, требуя принять живущего в то время в Италии Григория Маммаса и применить к отступникам строгие меры.

Однако перед лицом турецкой угрозы Николай закрыл на это глаза, но само папство той эпохи представляло собой лишь тень бывшего могущества как по влиянию на государей Европы, так и по собственной военной силе. Поэтому помощь со стороны Рима ограничилась небольшим отрядом под командованием кардинала Исидора и архиепископа Леонарда и денежными средствами.

Эта небольшая помощь была все же больше, чем ничего, поэтому неудивительно, что перед лицом смертельной угрозы и в надежде на более многочисленные отряды латинян 12 декабря в Св. Софии была вновь торжественно провозглашена уния. Георгий Франдзис так объясняет решение Константина XI: «Пусть оно будет ради нашей надежды на помощь в случае необходимости. И в то время как одни будут совершать его в Св. Софии, другие будут оставаться непричастными и спокойными»⁸. Иными словами, в глазах самого императора и его приближенных принятие унии было скорее его личным решением и созданием минимальной видимости того, что она признается и остальными константинопольцами.

К этому же склоняется и Дука: «Наибольшая же часть священнического и монашеского чина — игумены, архимандриты, монахини — все были против. Что я говорю: “наибольшая?” Монахини побуждали меня говорить и писать, что никто, мол, не соглашался на унию и что даже царь сам соглашался притворно»⁹.

Тем не менее пассивное сопротивление народа и многих представителей знати это все же вызвало: «Были многие и такие при этом, которые не приняли просфоры антидора, как мерзкой жертвы, совершенной на униатской литургии. Кардинал [Исидор] же ясно видел всякое сердце и всякое намерение греков, потому что не скрыться было от него обманам и хитростям греков. Но так как и сам он происходил из того же самого народа, то поспешил он, хотя и с небольшим рвением, помочь городу: и довольствовался он лишь изложением папе в защитительной речи того, как происходило дело; большее же возложил он на Бога, все строящего к полному концу»¹⁰. Хотя до открытых выступлений дело не дошло и в последующих военных действиях все греки стояли вместе насмерть, слухи о расколе в Константинополе, возможно, повлияли на решение султана начать осаду весной 1453 года.

Так или иначе, 80-тысячной регулярной армии турок, усиленной примерно 20-тысячным нерегулярным ополчением и многочисленным флотом (хотя и не очень хорошо подготовленным), Константинополь мог противопоставить 4973 ополченца¹¹ (возможно, что уже во время осады к ним присоединились еще некоторые жители города) и 2000 иностранцев, сражавшихся, по словам венецианского капитана Габриеле Тревизано, «во-первых, ради любви к Господу, во-вторых, ради славы Константинополя и, наконец, ради славы Синьории нашей Венеции»¹².

Изучая подробности осады Константинополя, нельзя не отметить яркое проявление хотя бы несколь-

ких признаков Священной войны¹³. Сражающиеся действительно делились по религиозной принадлежности, христианские воины в армии Мехмеда (например, от вассального султана деспота Сербии Георгия Бранковича) большой роли не сыграли¹⁴. В свою очередь, защитники города смогли хотя бы частично забыть былые распри и работать сообща. Помимо выходцев из вечно соперничавших Венеции и Генуи в Константинополе сражались каталонцы, кастильцы (по утверждению Франциса, из Толедо прибыл некий дон Франсиско, сражавшийся рядом с императором до последнего), неаполитанцы (прибывшие вместе с Исидором), немцы (в лице инженера Иоганнеса Гранта¹⁵, хотя Стивен Рансимен говорит о его шотландском происхождении) и другие.

После традиционного ультиматума с требованием сдать город осада началась 6 апреля в пятницу Светлой Седмицы (сама Пасха пришлась на 1 апреля). Армия Мехмеда II в очередной раз подтвердила славу самой боеспособной в Европе: осада велась по последнему слову военной науки и техники того времени. Фактически только самоотверженный труд защитников, восстанавливавших ночью разрушенные за день укрепления, позволил продержаться так долго.

Несколько лучше дела христиан обстояли на море — союзный флот, несмотря на малочисленность, успешно отражал попытки турок прорваться в гавань. Слабость султанского флота особенно ярко проявилась 20 апреля, когда четырьмя кораблями удалось прорваться в гавань, несмотря на все усилия турок их остановить¹⁶. Кончилось дело тем, что разъяренный Мехмед едва не казнил своего адмирала Балта-оглу, лишь личная храбрость и полученные раны спасли последнего от смерти — султан заменил ее на порку с лишением всех должностей и имущества.

Сила духа, лучшая выучка и доспехи позволила защитникам успешно отражать многочисленные попытки штурма, начиная от первой 18 апреля, фактически только после многочасового изматывания постоянными атаками в ночь с 28 по 29 мая янычары все-таки смогли ворваться в город.

Стивен Рансимен так описывает последнее воскресенье Византии: «День [это был день всех святых — первое воскресенье после Пятидесятницы. — Г. К.] клонился к закату. Толпы людей стекались к собору Св. Софии. За последние пять месяцев ни один строгий ревнитель православия не переступил ее порога, не желая слушать святую литургию, оскверненную латинянами и отступниками. Однако в этот вечер все прежние обиды исчезли. Почти все, кто был в городе, за исключением солдат, оставшихся на стенах, собрались на это богослужение-моление о заступничестве. Священники, считавшие смертельным грехом унию с Римом, возносили у алтаря молитвы вместе со своими собратьями — унионистами. Кардинал стоял рядом с епископами, никогда ранее его не признававшими; весь народ пришел сюда для исповеди и святого причастия, не разби-

рая, кто служит — православный или католический священник. Вместе с греками здесь были итальянцы и каталонцы. Мозаики с их позолотой, изображавшие Христа и святых, византийских императоров и императриц, мерцали при свете тысячи лампад и свечей; под ними в последний раз торжественно двигались под величественные аккорды литургии фигуры священников в праздничных одеяниях. Это был момент, когда в Константинополе произошло действительно объединение восточной и западной христианских церквей»¹⁷.

Однако спустя всего сутки в Св. Софию ворвались турки. Из почти 7 тысяч защитников в плен попали лишь около 500, из них большая часть итальянцев, включая лидеров, вроде венецианского балы Джироламо Минотто и его каталонского коллеги Пере Хулиа, были казнены. Некоторые смогли спастись на кораблях, некоторым генуэзцам, например, удалось переправиться через Золотой Рог к своим соотечественникам в Перу, державшейся во время войны нейтралитета.

Падение Константинополя поначалу вызвало даже некоторые проекты нового крестового похода. Так, в послании «ко всем христороубам» кардинал Исидор, бывший митрополит Московский, писал: «Услышите все это в верной части мира обитающие... все короли и правители христиан, а так же все люди Господни, объединенные верой... что бесчестнейший сын сатаны по имени Магомет, враг Креста Христова... исполненный ярости и нечестия непрестанно жаждет крови христиан... он движим против Христа и членов его Церкви, чтоб стереть с лица земля Его имя...»¹⁸

Описав ужасы осады и штурма города, Исидор отмечает надругательство над святынями, бесчинства над слабыми и призывает: «Ради правой веры, христианства и своей свободы опоясаться мечом против этих ужасных врагов божественного, всего священного и благочестивой жизни, отбросив прежде всего разногласия и соперничество, простив врагов, как Христос дарует всем прощение, храня мир и единство друг с другом, чтоб в единстве и при помощи Всевышнего (ибо за Ним победа, а не за многочисленностью войск), который сокрушит Сатану и слуг его под ноги ваши. Итак пусть он [Магомет] полагается на многочисленность войска и звериную ярость их, больше Тот, Кто с нами: Господь Сам будет воевать за Свою веру, так что сто от вас будут как тысяча врагов, а тысяча как десять тысяч»¹⁹.

Однако эпоха крестовых походов уже ушла в прошлое, и европейские монархи предпочли интересы своих государств христианскому средневековому универсализму. Поэтому никто не помог: ни отвоевать Константинополь, ни даже удержать земли последних восточно-христианских государств в восточном средиземноморье, скоро утративших свою независимость. Так была перевернута последняя страница истории Византии.

Подводя итоги сказанному выше, следует еще раз отметить, что осада Константинополя хотя и не может

быть прямо названа Священной войной, имеет многие свойственные ей черты. Помимо своей политической независимости, жители города, несомненно, отстаивали и свою веру. Равно как и их союзники приняли участие в борьбе ради поддержки единоверцев. Константин XI, хотя и не смог решить проблему унии, был легитимным императором, считавшим защиту страны своим священным долгом и отказавшимся капитулировать, хотя тем самым он мог бы сохранить свою жизнь (Мехмед несколько раз предлагал такие варианты). Равно как и католики действовали в том числе с благословения своего религиозного главы Папы Николая V.

Почему же большинство работ, посвященных проблеме Священной войны, в том числе и в Византии, обходят стороной религиозные мотивы войны 1453 года? Во-первых, эти события действительно не могут быть названы чистым примером борьбы за веру: слишком очевидна и значима политическая подоплека этих событий (хотя вряд ли можно привести случай Священной войны без какой бы то ни было политической составляющей).

Кроме того, воспитанные концепцией национального государства, ученые чаще всего акцентируют внимание на примерах завоевательной Священной войны, нарушающих естественное право страны защищать свою территорию. Поэтому оборона Константинополя представляется именно как защитная акция, лишь подкрепляемая религиозным противостоянием. Однако если вспомнить количество принявших ислам этнических греков в числе ближайших советников Мехмеда и его имперские планы, можно достаточно определенно сказать, что добровольный переход в мусульманство Константинополя не только бы спас город от грабежа и массовых убийств, но и мог серьезно повлиять на этнические взаимоотношения в период расцвета Османской империи.

Во-вторых, сам богатый исторический материал свидетельствует о действующих лицах обороны как обычных людях с присущими слабостями и недостатками, а не былинных рыцарях веры без страха и упрека. Генуэзцы и венецианцы, хотя и примирились во время осады, не доверяли друг другу и часто подозревали в предательстве. Джустиниани Лонго все же дал приказ себя унести с поля боя, поддавшись слабости после тяжелого ранения, а многие итальянцы после падения внешних стен отступили на свои корабли. Крайне неоднозначной выглядит фигура венгерского пушкаря Урбана, делавшего для Мехмеда самые крупные орудия, в т. ч. и знаменитую большую бомбарду — самое крупное орудие тех времен. С упорством обреченных перед рассветом черного вторника 29 мая сражались лишь греки во главе с императором и критские матросы в башнях у Орейских ворот²⁰, которым нечего было уже терять.

Остается открытым крайне серьезный вопрос унии, строго говоря, Константин все же согласился принять ее, что делает его в глазах некоторых измен-

ником православия. С другой стороны, он никогда не являлся ее идейным сторонником (в отличие от того же Исидора), поэтому его нельзя представить и героем католичества.

Специфическим было и поведение латинян, особенно венецианцев и генуэзцев, после падения Константинополя. Мехмед повел себя крайне дипломатично и позволил им заключить сравнительно выгодные договоры²¹. Еще больших успехов достигли анконцы, рагузианцы и флорентийцы, начавшие богатеть от удачной торговли с самими турками. Папская булла 30 сентября, объявляющая новый крестовый поход, никакого успеха не имела. Для Запада оказалось лучше спустя несколько лет вообще забыть о религиозной стороне и представить события 1453 года как исключительно политический византино-турецкий конфликт, а не поражение христианского мира, поэтому можно полностью согласиться со словами Стивена Рансимена: «Совесть Западной Европы была задета, но так и не пробудилась»²².

Положение же православных стран было настолько угрожающим, что многие их государи (главным образом Сербии, Морей и Трапезунда) были рады, что дело обошлось лишь очередным заверением в вассальной преданности Мехмеду и увеличением дани. Впрочем, султан уже спустя несколько лет стал методично ликвидировать любые островки независимости и еще при своей жизни подчинил себе полностью оставшиеся христианские территории Леванта и Балкан, подтвердив сказанное Георгием Франдзисом: «Если случится лишить тело головы, то члены мертвы»²³.

Кроме того, события 1453 года лежат на стыке разделов исторической науки и являются все же рассказом о поражении собранных «за честь всего христианства», а в поле зрения историков чаще всего попадают победы. Осада Константинополя завершает историю великой христианской империи, поэтому эта тема трудна для византинистов. Для Запада же эти события так и остались далекой и в некотором смысле провинциальной проблемой XV века.

Для русской же истории падение Константинополя стало поводом для объявления не только автокефалии, но и начать речь о собственной религиозной исключительности. Впрочем, основания на это были весьма серьезные: «Оставалось еще одно православное государство, в чьи земли армии султана никогда не проникали... для православных христиан прежней Византии, стонущих в неволе, сознание того, что в мире все же существует великий, хоть и очень далекий государь одной с ними веры, служило утешением и надеждой, что он защитит их и, быть может, когда-нибудь придет спасти их и вернуть им свободу. Султан-завоеватель почти не обратил внимания на факт существования России; наследники же его в последующих столетиях уже не могли позволить себе подобную пренебрежительность»²⁴.

Примечания

- ¹ Кроме нехалкидонитов.
- ² Военные действия Европы Нового времени будут уже руководствоваться принципами национальных интересов, поэтому такие события, как союз Англии и России во время войны за независимость Греции, уже не могут быть рассмотрены как религиозное противостояние исламу. Мотивы защиты христиан от иноверческого притеснения вряд ли сыграли какую-либо значимую роль в этих событиях, хотя как идеологический повод (по крайней мере, в русской истории) они все же присутствовали.
- ³ Дука Хроника, XV.
- ⁴ Иоанн Канан. Повесть об осаде Константинополя, PG 15676 c-d. См. также: Николль Д., Хэлдон Д., Тернбулл С. Падение Константинополя: Последние дни Византии, Полумесяц над Босфором М., 2008. С. 155–158.
- ⁵ Георгий Франдзис. Малая Хроника XXX, 4–6.
- ⁶ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. URL: http://krotov.info/history/15/runcimen/runc_00.html (дата обращения: 25.12.2012).
- ⁷ Ее подписали практически все, кроме Геннадия Схолария, настроенного весьма пессимистично.
- ⁸ Георгий Франдзис. Малая Хроника XXXVI, 6. Сам Георгий унию не признавал, по крайней мере, в своем исповедании веры (Малая Хроника XLV, 4) он прямо отрицает латинское учение о Filioque.
- ⁹ Дука. Хроника XXXVI.
- ¹⁰ Дука. Хроника XXXVI.
- ¹¹ По списку Франдзиса, см.: Георгий Франдзис. Малая Хроника XXXV, 6–8. Ромеев было 4773, еще 200 были западными европейцами, постоянно проживавшими в Константинополе. Среди непосредственных участников войны были и другие цифры: архиепископ Леонард называет 6000 ополченцев и 3000 латинских наемников. Джакомо Тетальди прибавляет к ним еще 30000–35000 «вооруженных людей» — видимо простых горожан, вооруженных лишь подручными средствами, вроде тех, о которых говорится в приведенной выше цитате Иоанна Канана.
- ¹² См.: Кроули Р. Константинополь: последняя осада 1453. М., 2008. С. 111.
- ¹³ См., например, Cavanaugh W. T. *The Myth of Religious Violence. Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict*. Oxford University Press. 2009 p. 141–142.
- ¹⁴ Равно как и проживавшие в Константинополе турки, включая соперника Мехмеда за султанский трон Орхана и его свиту.
- ¹⁵ Под его руководством были пресечены все попытки турок подкопаться под стены.
- ¹⁶ Кроме трех генуэзских галер в бою участвовало императорское судно с грузом зерна, защищая которое ромеи последний раз применили «греческий огонь», много веков выручавший Византию.
- ¹⁷ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. URL: http://krotov.info/history/15/runcimen/runc_00.html (дата обращения: 25.12.2012). См. также: Николль Д., Хэлдон Д., Тернбулл С. Падение Константинополя: Последние дни Византии, Полумесяц над Босфором М., 2008. С. 230–231, Кроули Р. Константинополь: последняя осада 1453. М., 2008. С. 266.
- ¹⁸ Isidorus Universis Christifidelibus. PG 159953a-b.
- ¹⁹ Isidorus Universis Christifidelibus. PG 159956c.
- ²⁰ Они прикрывали отход кораблей и отвлекали силы турок от бесчинств в городе до второй половины дня 29 мая. Пораженный их мужеством, Мехмед позволил им беспрепятственно вернуться на своих кораблях домой.
- ²¹ Тем не менее Пера перешла под контроль султана (учитывая, что, по сообщению подесты Джованни Ломеллино, многие ее жители, включая его собственного племянника, сражались на стенах Константинополя, можно считать ей сильно повезло с решением Мехмеда проявить милость), что через несколько десятилетий привело к разрушению торговой империи Генуи. Венецианцы так же, начиная с этого времени, стали медленно, но верно терять свои владения в восточном средиземноморье.
- ²² Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. URL: http://krotov.info/history/15/runcimen/runc_00.html (дата обращения: 25.12.2012).
- ²³ Георгий Франдзис. Малая Хроника XXXVI, 2.
- ²⁴ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. URL: http://krotov.info/history/15/runcimen/runc_00.html (дата обращения: 25.12.2012).